

место в заготовках. Преимуществами частной торговли перед общественным сектором были её более высокая оборачиваемость капиталов, более широкий ассортиментный перечень товаров, доступность для всего населения, она не навязывала норм потребления. Недостатком же были высокие цены, особенно когда дело касалось дефицитных товаров.

Во 2-й половине 1920-х годов частная торговля продолжала оказывать значительное влияние на экономику и конкурировать с кооперацией, использовала все открывавшиеся перед ней возможности по сбыту и снабжению, особенно там где не справлялись кооперативная и государственная торговля. В периоды хозяйственных затруднений частная торговля использовалась государством в сфере тех товаров промышленности, которых производилось с избытком, но частнику постоянно ставили большие препятствия при операциях с продовольствием. Свёртывание частной торговли в конце 1920-х годов стало показателем не низкой эффективности частного сектора, а смены под влиянием политических мотивов всего курса.

1. Восстановление народного хозяйства БССР (1921–1925 гг.): Сб. докладов и материалов. – Минск: Беларусь, 1981. – 270 с.
2. Рубинштейн, Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. – Л.: Издательство ЛГУ, 1964. – 396 с.
3. Михневич, Л. М. Торговля Белоруссии (1900–1970 гг.) / Л. М. Михневич. – Минск: Наука и техника, 1973. – 223 с.
4. Жирмунский, М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР / М. М. Жирмунский. – М.: Финансовое издательство СССР, 1927. – 223 с.
5. Смирнов Я. Состояние оборотов торговых и промышленных предприятий в Белоруссии к концу 1923–24 б. года // Советское строительство. – 1924. – № 1. – С. 14–25.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ)

М.П. Соболев, Р.С. Ерёменко

11 ноября 1918 года закончилась Первая мировая война, продолжавшаяся 1588 дней. (На 100-летие заключения Компьенского перемирия – 11 ноября 2018 г. в 11 час. 11 мин. будет грандиозное празднование с участием королевы Великобритании). Это название утвердилось за ней после начала Второй мировой войны в 1939 году. До этого войну 1914–18 годов в мире называли «Великая война», в России – «Вторая Отечественная», «Великая Отечественная» (именно так её называли в 1914-м, тогда же сочинили песню «Священная война», которая с небольшими вариациями возродилась в 1941 г.), до революции 1917-го и после – «германская», в СССР – «империалистическая».

Первая мировая война началась 28 июля 1914 года, став одним из самых широкомасштабных кровавых вооружённых конфликтов в истории человечества. В ней приняло участие 38 из 59 существовавших тогда государств с населением 1,5 миллиарда человек (примерно 62% от всего населения мира на тот момент). 74 миллиона человек были мобилизованы в армии воюющих стран, из них 60 миллионов – в Европе. До 6 августа все европейские державы были втянуты в войну, которая велась на территории 14 государств. От 9 до 10 миллионов погибли. Около 55 миллионов человек получили ранения. Жертвы гражданского населения оцениваются от 7 до 12 миллионов человек. 5,338 млн / 7 млн человек – численность воюющей пехоты России в начале / в конце войны. Потери убитыми российской армии составили 2,3 миллиона человек. Во время войны впервые за всю историю нашей цивилизации было применено оружие массового поражения.

В Первой мировой войне было две противоборствующие стороны: страны Антанты и Четверной союз. В них входили Антанта и союзники (Великобритания, Франция, Россия, Австралия, Новая Зеландия, Бельгия, Британская Индия, Боливия, Бразилия, Канада, Китай, Коста-Рика, Куба, Эквадор, Греция, Гватемала, Гаити, Гондурас, Италия, Япония, Либерия, Черногория, Никарагуа, Панама, Перу, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Сиам, США, Уругвай, Южно-Африканский Союз). Страны Четверного союза: Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария. (Из открытых источников)

Главные плоды победы (экономические и политические) пожали США, впервые пришедшие в Европу и вступившие в войну в 1917-м. С 1918-го начался век США. И всё же считаем уместным привести здесь точку зрения известного эксперта-политолога Л.А. Радзиховского: «Я считаю Первую мировую главным событием истории XX века – по крайней мере европейской истории. Всё, что было потом – фашизм / нацизм, коммунизм, II мировая, распад колониальной системы, наконец ЕС и политкорректность – всё это ближний и дальний исторический рикошет от снарядов 1914- 1918 гг.

Кроме того, I мировая, эта пирамида из 10 млн трупов – самый наглядный памятник человеческому безумию, главная иллюстрация поговорки «кого Бог хочет наказать – лишает разума».

Что фашизм/нацизм – а значит, и II мировая – прямые порождения I мировой войны – это общеизвестно. Их часто даже описывают как одну войну, с «передышкой посередине» 1918 – 1939 гг. Первыми фашистами стали «обманутые победители» в Италии, нацистами – жаждущие реванша ветераны в Германии. Большевизм, конечно, существовал и до 1914 г., но своей победой он обязан только войне» [1, с.3]. По мнению Л.А.Радзиховского, победили непричастные – США и большевики, пришедшие к власти в России. Историк К.А. Пахалюк даёт свою оценку итогам войны: «100 лет назад окончилась Первая мировая война. Страны Антанты одержали победу над Четверным союзом в лице Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Однако в числе победителей не оказалось той страны, которая внесла один из ключевых вкладов в победу, – России. Она официально вышла из войны, погрузившись в пучину Гражданской войны. На востоке Европы началась уже иная история. Да, вплоть до самого конца в составе французской армии сражался составленный из добровольцев Русский легион чести, а многие участники были награждены французскими наградами. По итогам Версальского мира Россия имела право на часть репараций, правда, основными условиями являлись отказ от национализации иностранной промышленности и выплат долгов. В действительности же представители советской власти и не претендовали на то, чтобы считать Россию причастной к победе. Попенять французам и англичанам на то, что без русских войск они бы не победили, – это да, такое было, но сама Первая мировая в течение десятилетий рассматривалась как «нулевая точка революции», как событие, которое спровоцировало системный кризис и последующую победу большевиков. Сегодня мы меняем представления о той эпохе.

Несомненно, Россия была одним из ключевых членов Антанты вплоть до 1917 г. На Восточном и Кавказском фронтах русские войска сдерживали более 40 процентов всех вражеских дивизий. Неоднократно наши успехи оказывали позитивное воздействие на положение союзников на западном и сербском фронтах и даже в Ираке. Не будем забывать, что десятки тысяч армян были спасены от геноцида именно благодаря наступлению армии генерала Н.Н. Юденича» [2, с. 37]. Митрополит Волоколамский Иларион считает, что главный урок обеих мировых войн заключается в отсутствии в них победителей. «Учёные до сих пор спорят о том, кто победил в Первой мировой. С формальной точки зрения проиграла Германия вместе с её союзниками. Но разве Россия, например, эту войну выиграла? Только поначалу военные действия для России казались успешными, а в течение последующих трёх лет война настолько истощила силы и ресурсы, что империя пала, и большевики при помощи той же Германии смогли взять

власть почти без боя. Да, они совершили «акт национального предательства», как подчеркнул два года назад президент России В.В. Путин, отметив, что «наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне». Но они не смогли бы этот акт совершить, если бы за три года до того Российская империя не была втянута в кровопролитную войну, последствия которой никто не мог предвидеть» [3, с. 6].

О Первой мировой войне есть такая фраза: войны никто не хотел, но война была неизбежна. В ней вся суть того, как европейские страны сползали в мировой конфликт. Президент США того исторического периода Вудро Вильсон признал, что невозможно назвать одну причину этой войны, их масса. Августовские дни 1914-го вошли в историю как пример внезапной катастрофы. Публицист О. Туляков (Берлин) задаёт вопрос и размышляет: «Но кого следует считать наиболее виноватым в провоцировании Первой мировой войны? Вопрос зачастую стыдливо обходят, сваливая всё на межимпериалистические противоречия. Затем, в советское время, особенно после Великой Отечественной войны, в нашей историографии верх взяли антинемецкие акценты. Но если внимательно почитать переписку Николая и Вильгельма (Никки и Вилли, два кузена) в последние дни перед войной, открывается печальная картина. Вильгельм берётся посредничать между Россией и Австро-Венгрией, заверяет, что Вена «не стремится к территориальным приобретениям за счёт Сербии», закликает царя прекратить военные приготовления, говорит о нежной дружбе с Россией, которую завещал ему дед на смертном одре, указывает, что выбор между миром и войной лежит у Николая на пороге... Вместо этого царь объявляет всеобщую мобилизацию против Австрии и вдобавок начинает военные приготовления на границе с Германией. Так разразилась самая ужасная в ту эпоху война – и кто же в ней больше виноват? Однозначно не ответишь...

Николай уехал на фронт и принял командование войсками, хотя мог бы вспомнить слова Наполеона в адрес его прадеда Александра I, личности несравненно более яркой: «Его дело царствовать, а не командовать армией» [4, с. 15].

Историю нельзя рассматривать в сослагательном наклонении, но интересно хотя бы понять, могла ли Россия не вступать в эту войну. В России к войне готовились. Генеральный штаб планировал военные операции. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета А.С. Сенин считает, что вольно или невольно, но, как показывает история, большое государство вынуждено втягиваться в глобальный конфликт. Другой вопрос, насколько государство было готово к тому, что может произойти. «Возможность неучастия в войне существовала, и если бы она воплотилась в жизнь, то ничего бы в России не произошло, считает Юрий Лубченков. Но победили политические нюансы и действия лоббистских групп при царском дворе. Существовали экономические предпосылки, которые толкали Россию к войне, её зависимость от некоторых европейских стран, в частности от Франции, которая многое сделала для подключения России к Антанте. Именно Франция пыталась на свои деньги строить в России производства, из-за чего отечественные промышленники были на её стороне. Но не меньшие экономические связи существовали и с Германией, которая заваливала Россию качественным и дешёвым товаром.

Конечно, французский вариант был предпочтительнее: решалась проблема безработицы, в казну платились налоги. Но генетическая связь у России была крепче с императорской Германией, чем с республиканской Францией. И один лишь факт, что Германия видела в России бездонный рынок, мог бы привести к тому, что войны между нами не было бы.

Действительно, национальные интересы России не требовали её участия в Первой мировой войне, уверен Павел Данилин. Однако Николай II рассматривал войну как возможность взять Константинополь и Анатолию – это была его основная цель в войне. Сегодня, оценивая последствия войны, мы понимаем, что это ошибка. Но ход войны

показывал, что такое возможно. В процентном отношении Россия меньше всего понесла потерь на фронтах среди мобилизованных на войну. Даже в количественном соотношении она потеряла меньше, чем французы и немцы, и достичь своей цели теоретически могла: до Константинополя оставалось не так далеко. Помогла и резня армян, населявших практически всю Анатолию. Она серьёзно ухудшила отношение к Турции со стороны мирового сообщества, что дало в руку России фактически карт-бланш на любые действия. Сейчас этих интересов нет. А тогда Россия добивалась поставленных задач – если бы не Февраль, всё могло бы сложиться по-другому» [5, с. 36–37].

Историк и политолог П.В. Данилин напомнил, что даже вступление в Первую мировую войну не давало России никаких гарантий со стороны союзников. «Договорённости были достигнуты лишь в том, что в случае нападения на какую-то из стран Антанты две другие вступают за неё. А что получает взамен вступающая сторона – совершенно не оговаривалось. Россию просто использовали.

А между тем у Николая II была однозначная уверенность, что по итогам войны Россия получит Стамбул и проливы – Босфор и Дарданеллы, обеспечивающие прямой выход из Чёрного моря в Средиземное. Но и у наших союзников была такая же уверенность, что Россия никогда не получит проливы. И чтобы этого добиться, они были готовы на всё, вплоть до разрыва союзнических договорённостей. Мир иллюзий, в котором пребывали правящие круги России, позволил в очередной раз вступить в войну без серьёзных договорённостей и выйти из неё в ситуации военной интервенции, когда те же самые союзники вторглись на нашу территорию и принялись её грабить» [6, с. 32-33].

Глубокий анализ ситуации сделал доцент Сретенской духовной семинарии П.В. Кузенков: «Война начиналась, как война против Германии, но это на поверхности. На самом деле это была война против России. То, что британцы разграбили страну, – это вторично, задача была – ослабить её, что они тщательно подготовили.

До середины XIX века Россия и Великобритания развивались каждая в своей ипостаси. Россия – на суше, Англия – на морях. Но после того как они вошли в прямое соприкосновение, начинается «большая игра», и к началу XX века становится понятно, что Британия слабеет, Россия усиливается. И не только она. За океаном США начинают выставлять Англии свои претензии, усиливается на морях Германия. Стало понятно, что если Германию и Россию не столкнут лбами, Британская империя погибнет. Что и было виртуозно сделано. До сих пор историки винят Германию в развязывании войны, некоторые даже России это приписывают. Но достаточно просто внимательно изучить событийную канву тех лет, чтобы понять, как заманили в ловушку Германию.

Англичане – мастера двойной игры, виртуозы лицемерия. Таковы визитные карточки их цивилизации. Это видно даже на примере Белого движения, которое надеялось на помощь Антанты, той же Англии, но на своей судьбе убедилось, чего стоят слова о союзничестве. На самом деле их цинично предали в надежде на то, что окровавленное болото, которым представлялась тогда Россия, будет ещё долго приходить в себя. Но произошло обратное: Россия оправилась, а Британская империя погибла, потому что баланс сил обуславливается объективными факторами» [6, с. 33]. Исследователь-журналист О. Черковец, говоря о втягивании царской России в войну, однозначно заявил: «В то время, как та же Германия не возражала против возможности прихватить некоторые наиболее лакомые куски территории Российской империи, российская правящая клика строила аналогичные планы относительно частей Германии и Австро-Венгрии. А кроме того, мечтала о том, как многотысячное войско победно пройдёт по поверженному Константинополю. Для этой цели даже заранее пошили сотни тысяч головных уборов, стилизованных под шлемы древнерусских богатырей и оттого названных «богатырками» (остроконечные шапки - «богатырки» всю войну пролежали на складах, нашли применение в Красной армии и получили название – «будёновки» –

Прим.авт.). Словом, империалисты всех ведущих держав стояли друг друга. Вот только обязательства у всех были разные» [7,с.4]. Далее автор утверждает, что французский ростовщический капитал регулярно подкармливал разлагавшийся правящий класс Российской империи займами под хороший процент: «По данным авторов фундаментального труда «История Франции», подготовленного Институтом всеобщей истории Академии наук СССР, вплоть до самой войны на Россию приходилось почти 40 процентов всех внешних займов и кредитов, предоставленных французскими капиталистами на территории Европы. Так, в одном только 1906 году Франция ссудила царскому правительству огромные средства – почти один миллиард золотых рублей.

Тем временем в период 1904 – 1907 годов оформился уже трёхсторонний российско-франко-британский союз, получивший название Антанта («Сердечное согласие»). Согласие оказалось явно неравноправным и, мягко говоря, далеко не сердечным. Так, каждый новый заём, который капиталисты Великобритании и особенно всё той же Франции предоставляли царской России, оказывался всё более выгодным кредиторам и всё менее выгодным для нашей страны. Особенно тяжёлыми были условия последнего французского займа 1913 года. Любому, находившемуся в здравом рассудке, становилось понятно, что за всё это России предстоит уже в ближайшее время расплачиваться. А правящий класс и не скрывал, что средством платежа будет кровь подданных, одетых в серые шинели. Что и подтвердилось уже в самые первые дни войны» [7, с. 4].

Взвешенно и реалистично рассуждает дипломат и писатель, автор книги «Первая мировая война и Россия. Моё понимание» Г.Н. Кудий: «Подготовка к войне началась гораздо раньше. Первоначально в основе были противоречия между Францией и Германией, объединённой канцлером Бисмарком, оглушительная победа последней во франко-прусской войне 1870-1871 годов. То есть у Франции появилось желание реванша. Она начала искать союзников. И нашла в лице России.

Это невероятно, особенно если учесть то, что никаких принципиальных противоречий между Германией и Россией не было. Лично для меня, и не только, загадка – какого дьявола мы вообще ввязались в эту войну, если Германия с Россией не воевали со времён Елизаветы Петровны?» [8, с. 6]. Исследователь назвал «большой загадкой», что заставило слабовольного Николая II пойти на этот шаг (вступление в войну): «Лично у меня есть стойкое ощущение, что одна из причин заключалась в том, что Британская империя начала быстро дряхлеть. Её внешние долги и обязательства намного превышали внутренний валовой продукт. Германия наступала на пятки по всем позициям – в экономике, промышленности, строительстве и науке. Россия тоже была на подъёме. И тут есть ещё одна особенность, которая, как мне кажется, является главной. Финансовые воротилы Великобритании уже тогда задумывались о глобализации, и для того чтобы эту глобализацию осуществить, надо было лишить суверенитета основных конкурентов. А такими конкурентами были Германия и Россия. Вот и возникла идея – а не столкнуть ли этих ребят лбами? И понеслось ...» [8, с. 6]. На вопрос: кто был виновником того, что произошло в Европе в 1914-м? – Г.Н. Кудий ответил чётко: «На мой взгляд, финансовые олигархи англосаксонского разлива с еврейскими корнями» [8, с. 6]. Как тщательно заранее готовился извне развал империи, рассказал в книге «Разлом. Белый и красный террор». А.С. Терещенко: «В России в начале XX века были учреждены десятки иностранных компаний, в чьём распоряжении находились стратегические отрасли (вроде металлургической, промышленной, военной); к началу войны сумма внешних вложений в нашу промышленность составляла почти половину акционерного капитала страны.

В иностранных предприятиях энергично действовали австрийская и германская разведки, чьи агенты так высоко пробрались, что добыли даже копию плана подготовки России к войне 1914-1918 годов и другие настолько секретные документы, что знать о них могли лишь несколько человек в государстве. И всё это оставалось безнаказанным»

[9, с.16].Разделяя такую позицию, хотим в её подтверждение ознакомить читателя с выводом, сделанным историком Ю.Н. Лубченковым. По его мнению, Первая мировая война оказалась судьбоносной для истории человечества. Именно она заложила основы и методы ведения всех тех войн, которые ведутся с тех пор. Анализируя их, обычно рассматриваются несколько событий – почему они начались, основные эпизоды, причины и следствия. «И потому сегодня логичнее и проще понять, кому она оказалась выгодна. По её итогам сложилась новая мировая система, где место во главе процесса окончательно заняла и стала доминировать англосаксонская раса» [5, с. 36]. Англия считает себя родиной, форпостом демократии в Европе, но она существует в основном на экспорт. Собирая в Туманном Альбионе «борцов» за разные права, страна сохраняет чрезвычайно консервативную и даже жестокую политическую систему. Вспыхнувшее в разгар Первой мировой войны ирландское восстание было подавлено с применением артиллерии на улицах городов, и никто тогда об этом обличительно не говорил.

В ходе работы над статьёй обратили внимание на аналитическое исследование профессора Университета Абердина (Шотландия) Энтони Хейвуда «Июль 1914-го: «секретная мобилизация» в России», где он пишет: «В 1919 году на межправительственном уровне было решено, что ответственность за начало Первой мировой войны лежит на Германии – это убеждение и легло в основу Версальского мирного договора. С тех пор историки рассматривали и другие факторы, приведшие к мировой войне, в том числе существование тайных союзов, гонку вооружений и, конечно, роль других стран в развязывании войны. Но именно благодаря немецкому историку Фрицу Фишеру большинство исследователей считают Германию главной виновной стороной. Согласно концепции Фишера, мировая война – это часть немецкой стратегии по покорению мира, реализация которой продолжалась вплоть до 1945 года; большинство специалистов в целом соглашаются с подобным мнением.

Но есть и иная точка зрения, согласно которой правящие круги России также сделали немало для того, чтобы ускорить начало войны. Центральным аргументом, подкрепляющим этот тезис, служит то, что Россия начала секретную мобилизацию 12 (25) июля 1914 года, за пять дней до объявления всеобщей мобилизации 18 (31) июля. Если это действительно так, то очевидная задержка мобилизации немецких войск до 19 июля (1 августа) свидетельствует против того, что Германия была главным виновником мирового конфликта.

Этот тезис был озвучен ещё Вильгельмом II во время июльского кризиса: «Русский царь начал мобилизацию тайно, действуя за моей спиной». Впоследствии многие историки снова и снова обращались к этой фразе. Например, американский исследователь Сидни Фей в 1921 году отметил, что русское правительство форсировало подготовку к войне, начав 12 (25) июля военные мероприятия, которые, «по сути, равнялись мобилизации в приграничных областях»; именно они «свидетельствовали о том, что [военный министр] Сухомлинов и [начальник Генштаба] Янушкевич начали скрытую мобилизацию 26 июля, готовясь к войне с Германией». В 1960-е годы к подобным выводам пришёл Л. Тёрнер: «Утверждение графа Макса Монжела о том, что «в действительности мобилизация в России началась 26 июля, одновременно с началом периода подготовки к войне», небезосновательно».

Позже ту же идею высказал американский историк Шон Макмикин. Он полагал, что 11(24) июля Совет министров России решил провести «секретную масштабную мобилизацию армии и флота» [10, с. 24-25]. В конце Э. Хейвуд делает всё-таки объективное заключение: «Россия действительно начала секретную подготовку ко всеобщей мобилизации 12 (25) июля 1914 года, однако это решение не означало, что Россия начала мобилизацию. Смысл подготовительного к войне периода был только в том, что он был подготовительным...» [10, с. 26].

Заслуженный деятель искусств РФ автор фильма «Цареубийство: следствие длиною в век» Е.Н.Чавчавадзе сняла обвинения с царя в том, что он ввязался в мировую бойню: «Он не ввязался. Другого выхода ему просто не оставили. Если посмотрим его переписку с германским кайзером Вильгельмом, то увидим, сколько телеграмм и писем было отправлено государем, чтобы предотвратить военные действия. Но, к сожалению, за Вильгельмом стояли свои «ястребы». Не забывайте, что именно в ту войну невероятным образом исчезли с карты истории четыре империи. Кроме того, позднее при таинственных обстоятельствах умер бельгийский король, странно погиб греческий монарх...» [11, с. 3]. Е.Н. Чавчавадзе доказала вмешательство США во внутренние дела России: «Было тщательно подготовлен развал армии, стоявшей на пороге победы. Как отметил в своём дневнике советник президента Вудро Вильсона небезызвестный полковник Эдвард Хауз (а он сыграл, как мы показываем, существенную роль в подготовке двух русских революций): «Если победят союзники, то это будет означать господство России на Европейском континенте». Для международных банкирских групп, которые он представлял, такой исход был неприемлем.

Фактически и сама война была инсценирована для того, чтобы обескровить Российскую империю, а заодно и другие континентальные монархии». «Мы приводим в нашем фильме телеграмму американского посла Дэвида Фрэнсиса с заявлением - ультиматумом президента Вильсона: «Мы вступим в войну только на стороне демократий, а не автократий». А что такое автократия? Это и была Российская империя. То есть задача ликвидации монархического строя была поставлена. А дальше уже стали действовать февралисты» [11, с. 3]. Л.М. Млечин не сомневается, что свержение царизма в феврале 1917 года имело немалое значение для вступления Америки в Первую мировую войну. «Многие российские военные повторяли тогда, что отречение императора Николая II революция означают одно: «Нашему врагу, Германии, удалось одержать самую крупную победу». А в Берлине уверились в другом: Николая Псевргли англичане с единственной целью – не дать России и Германии подписать мир» [12, с. 25].

И всё-таки не внешнее давление являлось главной причиной развязывания войны и её поражения, а внутренние – «партиявойны» и «партия мира», включая поведение либеральной интеллигенции на тогдашнем информационном поле. «Не очень патриотично себя вела, это точно! Более того, я бы даже сказал, что именно в этом и состоит основная причина поражения России в той войне и во всех событиях, которые случились у нас в 1917 году и позже. Ведь ни экономического перенапряжения, ни военного Россия тогда не испытывала! В 1914 году Россия на фронтах воевала более успешно, чем все остальные, разве что кроме Германии.

А вот идеологически мы проигрывали. Россия не совсем подготовленной вступила в эту войну – ну не успели мы закончить программы модернизации армии и флота...» [8, с. 6].

В качестве примера проигрыша информационной войны Г.Н. Кудий приводит фейки образца 1914 года: «Вот пример: снарядный голод, о котором все шумели. В 1914 году наша армия расстреляла 2,3 миллиона снарядов. С учётом довоенных запасов и того, что было произведено в 1914 году, к началу 1915 года в запасе имелось 4,5 миллиона снарядов для трёхдюймовок, которые были тогда самыми ходовыми. То есть всего-то было истрачено 37% запасов. А шум стоял несусветный, что снарядов -де не хватает, что армия без сапог и так далее... А паёк солдата русской армии вообще был самый шикарный: полагалось 2,5 кг продовольствия на солдата в день. Из них 700 граммов мяса» [8, с. 6]. Совершенно противоположные данные и оценки приводит О. Черковец, говоря о «поистине антинародной войне» и «общем состоянии немощи и обречённости царской армии»: «Так вот, даже винтовок – самого простого в техническом отношении оружия – Россия произвела всего 3,3 миллиона штук против 8,5 миллиона в Германии, то есть почти в 2,6 раза меньше. Да что там Германия, если даже её слабый союзник Австро-Венгрия

произвела (во многом благодаря мощностям военных заводов Чехии, входившей в состав империи Габсбургов) винтовок больше, чем Россия, – 3,5 миллиона штук. Неудивительно, что солдаты во многих частях шли в бой с сапёрными лопатками в надежде добыть заветную винтовку или убитого противника, или у своего же погибшего товарища.

О более сложном оружии нечего и говорить. Так, по производству артиллерийских орудий Россия уступила Германии чуть ли не в 6 раз – 11,7 тысячи стволов против 64 тысяч, а пулемётов Россия произвела ровно в 10 раз (!) меньше Германии – 28 тысяч против 280 тысяч. Что касается созданного накануне войны нового мощного оружия – миномёта, то в царской России оно не производилось вообще – ни в начале войны, ни к 1917 году. Кайзеровская же армия получила за годы войны 12 тысяч миномётных стволов» [7, с.4]. Автор, не скрывая своей приверженности, принципиально отстаивает название этой войны – империалистическая, ссылаясь на работу В.И. Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции», в которой дана такая единственная характеристика войны. Полемизируя заочно с такого рода «однобокими лозунгами», Е.Н. Чавчавадзе напоминает: «Многие ли знают, что выделение денег на снабжение фронта было связано с голосованием в Госдуме? Сколько раз Дума срезала вот эти ассигнования! Надо понимать, что тот же генерал Алексеев и другие зависели от военно-промышленных комитетов. Их страшали тем, что они не получают требуемого. Свобода, которая наступила после первой революции, сыграла злую шутку с Россией» [11, с. 3].

Хотим подчеркнуть, что это была война массовых армий. Только в России за 1914-1917 гг. были мобилизованы порядка 15,5 млн человек. Это означало, что война пришла в каждый дом, в каждую семью, а винтовку держал не профессиональный солдат, а одетый в серую шинель гражданский человек. А потому на первый план выходила задача общественной мобилизации, а именно создания устойчивых смыслов, объяснявших простому человеку, почему надо жертвовать своей жизнью. Таким образом-примером героя явился первый по счёту георгиевский кавалер в мировую войну казак Козьма Крючков. «В первые месяцы боевой дух русской армии был крепок, а общественность переживала патриотический подъём. Это был прежде всего эмоциональный энтузиазм, питавшийся и пониманием, что именно на нас напали, и первыми победами в Галиции... Центральную роль в поддержании этого настроения были призваны играть образы героев, символизировавших то, что Россия ведёт, как утверждали тогда журналисты, народную, отечественную, священную войну.

Первые две недели общество жило ожиданиями новостей с линии фронта. И именно тогда появилась фигура Козьмы Крючкова, донского казака, первого георгиевского кавалера. Уже вскоре о нём стали слагать стихи и писать песни, портрет украсил даже коробку с папиросами, а дети играли в «Козьку Крючкова».

Официальная пропаганда примерно следующим образом излагала его подвиг. Граница с Восточной Пруссией, 12 августа (30 июля), немецкий конный отряд силой то ли в 27, то ли в 22 всадника был замечен нашими казаками. Их было всего четверо, включая Крючкова. Они открыли огонь по противнику, а затем погнались за ним. В рукопашной схватке 11 германцев окружили К. Крючкова, который убил их всех, получив 16 ран. Именно за это приказом командующего 1-й армии генерала П.К. фон Ранненкампа Крючков получил Георгиевский крест 4-й степени, а его товарищи – Георгиевские медали» [2, с. 32].

Война только начиналась, уже выпал случай сделать именно своих подчинённых первыми героями. Немного передёрнув события, действительно храброго казака сделали заложником газетной шумихи. Его реальный подвиг раздули, превратив в неправдоподобный миф, в модель для образов сотен других героев. Пресса искала яркие и красивые индивидуальные образы-истории, но большинство подвигов являлись коллективными. Необходимо, на наш взгляд, прежде всего подчёркивать коллективный характер подвигов как во время побед (например, при Гумбинене), так и при поражениях

(как при Танненберге). Подлинным героизмом фронтовики считали доблестное повседневное выполнение своей боевой работы. Вскоре солдатский лексикон обогатился презрительным понятием «крючкониана», а газетные истории вызывали усмешку и досаду. Сам К. Крючков после выписки из лазарета вернулся на фронт, заслужил ещё несколько наград. Он не особо любил позировать перед публикой и стеснялся говорить о подвиге. По мнению К.А. Пахалюка и С.В. Волкова, настоящими героями, о которых надо рассказывать молодому поколению, являются Лариса Панова, Римма Иванова, Пётр Нестеров, генералы Щербачёв, Юденич и Сахаров, моряки Колчак, Эссен и Кителин.

Церковь (у неё есть свой взгляд на войну, свои пророчества и свои предостережения) воспринимает войну как зло, а всякое убийство как преступление. При этом она благословляет воинов на исполнение священного долга защиты ближних и восстановления справедливости. Церковь осуждает властителей, которые втягивают своих подданных в военные действия, при этом она не считает принесённые жертвы напрасными. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:3). Эти слова Христа Церковь относит к воинам, на поле брани за веру и Отечество жизнь свою положившим. Она прославляет их подвиг и молится о том, чтобы Бог простил им грехи и сотворил вечную память» [3, с. 7]. Думаем, что, если и есть победитель в войне, то это смерть. Именно она является главным победителем всех войн. Презрение к человеческой жизни, привычка к массовому насилию и неудовлетворённая тяга к нему, кровавый милитаризм – основа стиля тоталитарных режимов 1920 – 1930 гг., как и государственный ВПК, модель которого родилась в Первую мировую – основа экономики этих режимов.

Первая мировая война изменила ход ведения войны, стёрла моральные ограничения и привела к массовым и не очень законным военным жертвоприношениям, особенно после применения химического оружия. 15 марта 1918 года в Москве и 26 марта в Берлине был ратифицирован Брест-Литовский мирный (сепаратный) договор. Первая мировая война для России закончилась. «Для Антанты было жизненно важно сохранить в любом виде «русский фронт» в борьбе с Германией. Для Германии было столь же необходимо этот фронт ликвидировать. Каждый из противоборствующих лагерей опасался, что противник усилится за счёт российских ресурсов, территории и населения. Русские, однако, к 1917-му уж очень наводились (армия потеряла половину боевого состава – 1,7 млн убитых, 3,7 млн раненых, 3,3 млн в плену). Но это в большой игре ничего не значило: ослабленная революцией Россия сама превратилась в тот самый Восточный фронт, который она раньше держала» [13, с.18].

Изучив разные и даже взаимоисключающие друг друга источники, многие из них мы использовали в работе. Подведём итоги.

1 . Неизбежности войны не было. «Однако на самом деле, даже после создания Антанты (в которую не без колебаний вступила Англия) и Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия – в 1915 перешла на сторону Антанты) никакой «предопределённости войны» не было. Для большой войны не было большой цели. Причём ни в одной из стран» [14, с. 3].

2 . Россия была вынуждена вступить в войну, победу в которой у неё украли. В честь 100-летия вступления Российской империи в Первую мировую войну на Поклонной горе в Москве открыли памятник героям работы А.Н. Ковальчука. (В маленькой Венгрии установлено более 2 тысяч памятников участникам войны, а в СССР ни одного). В своей речи президент страны В.В. Путин сказал: «Ровно век назад Россия была вынуждена вступить в Первую мировую войну <...>Россия хотела бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя и своих граждан от вечной угрозы. Однако победа была украдена теми, кто призывал к поражению своей армии, сеял распри

внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы» [15, с. 2]. После этого исторического события в стране принципиально изменилось отношение к Первой мировой войне, это был перелом. Всякое сохранение памяти о российской армии и службе в ней до революции рассматривалось как деяние контрреволюционное. «Это совершенно неудивительно, потому что все эти годы страной управляла партия, которая выступала за поражение в этой войне. Всё, что делали участники войны с российской стороны, было противоположно тому, чего хотела Коммунистическая партия. Поэтому само участие в Первой мировой войне скорее криминализировалось» [16, с. 6]. В странах-победительницах памяти о погибших придаётся исключительное значение. Возвращение памяти о Первой мировой войне необходимо для строительства демократического общества, основанного на ценностях патриотизма, солидарности и социальной справедливости.

3. США вышли на авансцену мировой политики, отодвинув и победителей, и проигравших, превратившись в супердержаву. Экономическое производство в стране за годы войны удвоилось. Настал век США. Если накануне Первой мировой войны «союзники» согласовали целесообразность упразднить не только Германскую, Австро-Венгерскую и Османскую, но и Российскую империю, то после победы большевиков давление на нашу страну многократно усилилось. «Экспансионистский курс в отношении России был принят 8 января 1918 г. в т.н. 14 пунктах президента США Вудро Вильсона и комментариях к ним советника президента полковника Хауза.

Американцы планировали признать все правительства, возникшие в различных частях Российской империи. Судьбу Кавказа они рассматривали как часть проблемы Турции. Планировалось выдать какой-либо державе мандат на управление Средней Азией. В Великороссии и Сибири предполагалось создать самостоятельные правительства. Планы раздела России сочинялись тогда же в Лондоне и Париже. Так, 22 декабря 1917 г. они подписали тайную конвенцию о разделе сфер влияния в «бывшей Российской империи». Британцам доставались, например, Кавказ и Закаспийская область, а французам – Украина и Крым. Границы России отодвигались к временам допетровской Московии» [17, с.11]. Считаю уместным сослаться вновь на мнение А.С. Терещенко: «Они понимали, что убитая Россия может скоро стать их добычей, которую в случае победы можно будет поделить на части, разрезать, как пирог. В штабах и правительствах этих стран уже делили территорию огромного и богатого Российского государства» [9, с.16].

4. Грандиозность значения Первой мировой войны в том, что она стала прологом Второй мировой войны. «Я могу совершенно точно предсказать, – сказал Вудро Вильсон, – что при жизни следующего поколения разразится новая мировая война» [18, с.25]. Кандидат исторических наук Ю.А. Борисёнок, заканчивает свою работу о Брестском мире предупреждением: «...На свехобильно политой кровью брестской земле плотно переплелись трагические следы двух мировых войн. Собственно, Брестский мир 3 марта 1918 г. и обусловленный им вариант окончания Первой мировой не только дал сильнейший импульс Гражданской войне, в том числе интервенции, но и стал одним из первых кирпичиков в фундамент новой мировой бойни. Кирпичиков цвета стен Брестской крепости – красно-красного...» [19, с. 105].

5. Эксперты круглого стола «Известий» С.В. Волков и П.Э. Куликовский сделали принципиально-объективные выводы, с которыми невозможно не согласиться: «Это была война за принципиальные интересы российской государственности. По её итогам ожидалось, что Россия достигнет политических целей, которые она многие десятилетия до того преследовала. Только благодаря тому, что русская армия одерживала победы и к концу 1916 года было очевидно, что война кончится победоносно, был окончательно согласован переход к России Константинополя и проливов – вековая мечта. Они важны и сейчас. Сталин пытался их заполучить, но не удалось. При ином исходе внутрироссийских событий эта война подвинула бы российскую государственность на

более высокую степень. Это была очень важная война для интересов России. Там реально было за что воевать. Говорят: зачем мы туда влезали... Но нельзя не влезть, когда тебе объявляют войну!». «Нужно поддерживать баланс в оценке истории. Невозможно постоянно говорить только о Второй мировой. Всё, что сейчас происходит, результат и Первой мировой войны тоже. Первая демографическая яма была в Первую мировую войну, это были огромные потери. Демографические проблемы современной России начались именно тогда, как говорят эксперты Института русской истории РАН. Корни многих сегодняшних проблем в Первой мировой войне, а не во Второй мировой. Всё, что касается Гражданской войны, противостояния белых и красных, вышло из Первой мировой войны. Называйте, как хотите: монархисты, не монархисты, они все русские. Какого-то единства, общей точки зрения по поводу того, что произошло, наверное, невозможно достичь, может быть, и не надо ставить такую задачу. Но, по крайней мере, надо понять друг друга, а для этого нужно изучать Первую мировую войну» [16, с. 6].

6. После двух мировых войн попытка строительства однополярного мира провалилась, началась холодная, а с 2014-го идёт гибридная война. В такой исключительно сложной беспрецедентной геополитической обстановке основным гарантом мира остаётся Россия.

1. Радзиховский, Л. Высокое кровавое давление / Л. Радзиховский // Российская газета. 2009. №4966(142), 4 августа 2009 г. – С.3.
2. Пахалюк, К. Кто и за что получил первый Георгий в Первую мировую войну / К. Пахалюк // Российская Федерация сегодня. 2018. №8, С.37, 32.
3. Митрополит Волоколамский Иларион. Смерть – главный победитель всех войн. Чему нас учит история Первой мировой? / Митрополит Волоколамский Иларион // Российская газета – Неделя. 2014. №171(6443), 31 июля – 6 августа 2014 г. – С.6, .7.
4. Туляков, О. Николаю не удалось постриг / О. Туляков // Литературная газета. 2018. №29(6652), 18-24 июля 2018 г. – С.15.
5. Дорофеев, Н. Войны никто не хотел, но она была неизбежна / Н. Дорофеев // Российская Федерация сегодня. 2018. №4, апрель 2018 г. – С.36 - 37.
6. Дорофеев, Н. Лицемерие и политиканство как визитные карточки британской цивилизации / Н. Дорофеев // Российская Федерация сегодня. 2018. №5, май 2018 г. – С.32 - 33.
7. Черковец, О. Антинародная война / О. Черковец // Правда. 2014. №80(30142), 29-30 июля 2014 г. – С.4.
8. Сапожникова, Г. Информационная война за сто лет почти не изменилась / Г. Сапожникова // Комсомольская правда. 2014. №83(26261), 29 июля 2014 г. – С.6.
9. Никитин, С. Инферно красное и белое / С. Никитин // Аргументы недели. 2018 г. №36(629), 13-19 сентября 2018 г. – С.16.
10. Хейвуд, Э. Июль 1914-го: «Секретная мобилизация» в России / Э. Хейвуд // Родина. 2014. № 8, август 2014 г. – С.24 -25, 26.
11. Самохин, А. Реального суда над Николаем II никто не хотел / А. Самохин // Культура. 2018. №25(8105), 20-26 июля 2018 г. – С.3.
12. Млечин, Л. Союзники просят огня / Л. Млечин // Московский комсомолец. 2017. №26, 21-28 июня 2017 г. – С.25.
13. Сабов, А. Русский трофей / А. Сабов // Огонёк. 2017. №51(5497), 25 декабря 2017 г. – С.18.
14. Радзиховский, Л. Никто не хотел умирать / Л. Радзиховский // Российская газета. 2014. №168(6440), 29 июля 2014 г. – С.3.
15. Кармуниин, О., Созаев-Гурьев, Е. На Поклонной отметили столетие Великой войны / О. Кармуниин // Известия. 2014. №142(29142), 4 августа 2014 г. – С.2.
16. Лория, Е., Крецул, Р., Ладилова, Е., Нодельман, В. Невыученные уроки / Е. Лория // Известия. 2018. №165 (30150), 5 сентября 2018 г. – С.6.
17. Чураков, Д. Компромисс или предательство? / Д. Чураков // Литературная газета. 2018. №9(6633), 28 февраля – 6 марта 2018 г. – С.11.
18. Млечин, Л. На гребне войны / Л. Млечин // Огонёк. 2014. №29(53334), 28 июля 2014 г. – С.25.
19. Борисёнок, Ю. На руинах «похабного мира» / Ю. Борисёнок // Родина. 2018. №3, март 2018 г. – С.105.